

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СЁЛ В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО» СОЦИАЛИЗМА

© 2019

Гринько Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Дальневосточный государственный аграрный университет (г. Благовещенск, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация положения женской части сельского населения Дальнего Востока СССР в 1970-х – первой половине 1980-х годов под влиянием целого ряда причин. Особенности географического положения региона, уровень его развития, ускорение процессов жизнедеятельности на селе, быстрое распространение информации и другие факторы оказывали значительное влияние на сельских женщин. Это влияние было противоречивым и неоднозначным. С одной стороны, изменялась роль женщины в семье, возрастала ее активность как работницы, повышалось благосостояние, культурный и образовательный уровень, но, с другой стороны, становясь более независимой, женщина стремилась к лучшим условиям труда и жизни, карьерному росту, увеличению свободного времени для отдыха, что в сельской местности было затруднительно. Несмотря на особое внимание государства к Дальнему Востоку и проведение мероприятий, направленных на развитие сельской местности, жизнь в деревнях не отвечала «урбанизированным» взглядам местных жительниц. Результатом такой трансформации стала ориентация на малодетность для значительной части молодых сельчанок и переезд в городскую местность, воспринимаемую на фоне села как несравнимо лучшее место жительства.

Ключевые слова: СССР; Дальний Восток; сельская местность; «поздний» социализм; «развитой» социализм; период «застоя»; женщины; семья; урбанизация; феминизация; демографическая обстановка; демографическое поведение; рождаемость; удовлетворенность жизнью; дефицитность; уровень благосостояния.

Период 1970-х – первой половины 1980-х годов вошел в историю отечественного государства как эпоха «развитого» или «позднего» социализма. Это время было противоречивым, что нашло отражение в таких наименованиях, как «застой» и «золотой век СССР». Разноплановые тенденции были характерны для жизни всего населения страны, в том числе и проживающего на Дальнем Востоке.

Отдаленность региона от наиболее развитой части государства, повышенное внимание к его развитию со стороны власти, урбанизационные процессы и другие факторы оказывали значительное влияние на жизнь дальневосточников. Особенно сильно это проявлялось в сельской местности.

Сельское население региона, благодаря довольно высокой рождаемости и притоку переселенцев, отличалось сравнительно молодым составом, а значит, особенно быстро воспринимало все те явления, которые имели место в рассматриваемые годы. Общее соотношение между мужчинами и женщинами в дальневосточном селе оставалось сравнительно сбалансированным. Однако среди молодежи мужчины были в большинстве: проведенное в 1979 г. исследование выявило, что на 1000 сельчан мужского пола в возрасте от 16 до 29 лет приходилось, соответственно, от 735 до 806 женщин [1, с. 2]. А в пожилой возрастной группе женщины численно преобладали над мужчинами более чем в два раза, что было связано с ранней мужской смертностью в результате различных заболеваний и злоупотребления алкоголем [2, л. 3].

Определенная свобода, появившаяся у женщин после всеобщей паспортизации деревенских жителей, массовизация профессионального образования, рост общекультурного уровня, поддержка со стороны государства позволяли более активно, чем в предшествующие десятилетия, реагировать как на положительные, так и на отрицательные процессы, протекавшие в сельской местности.

Ускорение практически всех процессов жизнедеятельности, стремление получить желаемое как мож-

но раньше приводили к массовому созданию молодых семей. Низкая культура планирования будущей ячейки общества в сочетании с более ранним (чем у предыдущих поколений) началом регулярной половой жизни, расширение поддержки со стороны государства способствовали повсеместному распространению раннего зачатия детей. Примерно треть детей в описываемый период была зачата до регистрации союза в органах ЗАГС; для девушек, не достигших 20 лет, их доля составляла более половины [3, с. 119].

В описываемый период все больше женщин выступают инициаторами создания семьи, что ранее было нехарактерно для сельского населения. При этом постепенная «урбанизация» сознания женщин, впрочем, как и мужчин, вела к утрате стабильности семьи, что проявлялось в росте числа разводов. Так, в начале 1970-х годов в сельской местности Приамурья ежегодно регистрировалось в среднем 400 разводов, во второй половине десятилетия – уже 800, а к середине 1980-х годов – около тысячи [4, с. 47]. Женщины стали менее терпимо относиться к тем внутрисемейным проблемам, которые ранее крайне редко могли вызвать распад семьи. К ним можно отнести измену супруга, сексуальную неудовлетворенность, утрату чувств. Это подтверждают опросы разводящихся пар, проводимые дальневосточными органами ЗАГС [5, л. 8, 17].

Увеличение количества разводов имело отрицательные последствия и стало сравнительно новой проблемой для общества и государства. Высокая разводимость приводила к сбоям в процессах воспроизводства и воспитания детей из-за увеличения числа семей, состоящих только из одного родителя.

Параллельно распространялись неофициальные и повторные союзы мужчины и женщины, рождение детей с формулировкой «для себя». Согласно статистике, на рубеже 1970–1980-х годов в Приамурье в среднем 12, а в середине 1980-х годов 16 из 100 детей появлялись на свет у незамужних женщин. Это было выше, чем в среднем по стране [6, с. 11]. Все

это было проявлениями ослабления значимости традиционных ценностей на селе.

В целом общество с осуждением относилось к людям, которые не желали официальной регистрации отношений. На последнем чаще всего настаивали женщины, так как штампом в паспорте они были частично защищены от общественного осуждения и возможности остаться матерью-одиночкой. Тем не менее для все большего числа женщин регистрация брака в органах ЗАГС переставала считаться обязательным условием создания семьи, и так называемые сожительства стали нормой для деревни.

Несмотря на отрицательные тенденции, на фоне города сельская местность оставалась более благополучной, так как число заключаемых браков было более высоким, а уровень разводов – сравнительно низким. В частности, на юге Дальнего Востока в первой половине 1980-х годов соотношение заключаемых и расторгаемых браков в городской среде составляло два к одному, а в селах, соответственно, три к одному [7, с. 34].

Закономерным результатом процессов, характерных для сельской местности, было то, что вновь образующиеся семьи, а также свободные женщины пытались как можно быстрее начать самостоятельную жизнь, отдельно от родителей, и были склонны к жизни без детей или с их малым количеством.

Постепенное ухудшение демографической обстановки вызывало соответствующую реакцию государства, проявившуюся в повышении уровня выплат одиноким и многодетным матерям. Дополнительно вводились выплаты в размере 50 и 100 рублей, получаемые при рождении, соответственно, первого и второго ребенка [8, с. 178–179]. Кроме того, у работающих женщин появился отпуск по уходу за ребенком и отпуск без содержания. Государство оказывало материальную поддержку в случае той или иной необходимости. Особенно это касалось сельской местности, где до 1,5 тыс. рублей выплачивалось молодым семьям в виде беспроцентной ссуды для улучшения жилищных условий или обзаведения домашним хозяйством. На фоне всего государства Дальневосточный регион отличался особой финансовой поддержкой женщин с детьми. Например, отпуск по уходу за ребенком оплачивался из расчета 50 руб. в месяц, в отличие от ситуации по стране, где сумма была меньше – 35 рублей [9].

И всё же предпринимаемые меры не могли серьезно повлиять на сформировавшиеся тенденции. Сельские женщины все больше перенимали городские взгляды и останавливались на рождении одного-двух детей. Согласно выборочному обследованию 243 деревенских семей, которое проходило в конце 1970-х годов в Приамурье, около 60% из них имели одного ребенка, чуть более трети – двух, и только 8% семей – большее количество детей [10, л. 136].

До 1970-х годов основной фигурой в сельской семье являлся мужчина, главенствующее положение которого основывалось на традиционной роли работника, обеспечивающего материальное благополучие жены и детей. Женщине в такой системе отводилась роль домохозяйки, воспитательницы детей и работницы, приносящей незначительный денежный доход. Объективно такое разграничение обязанностей принижало женщину, отводя ей второстепенную роль, и не давало возможностей для саморазвития и реализации своего потенциала вне семьи.

К началу 1970-х годов в сельской среде явно наметился процесс изменения внутрисемейных ролей. Мужчина по-прежнему остается фигурой, поддерживающей финансовое положение семьи. Однако в значительной части семей он перестает быть основным «добытчиком» за счет роста женской активности. Благодаря так называемой феминизации труда произошел значительный приток в экономическую сферу женщин. Они постепенно переходят от обеспечения семейного быта и ведения домохозяйства к строительству карьеры и финансовой независимости. Так, в сельскохозяйственной отрасли Дальнего Востока удельный вес женщин за период с начала 1970-х по середину 1980-х годов увеличился с 38 до 45% [11, с. 12]. При этом многие женщины строили карьеру и занимали более высокие должности, чем мужчины, что, соответственно, сказывалось на заработной плате, взаимоотношениях в семье и взглядах на жизнь.

Изменение положения сельской женщины в семье и обществе, отказ от традиционной роли были вызваны комплексом причин. Нарастающее влияние телевидения и других средств массовой информации, контакты с городом и его жителями вызвали у женщин потребность и желание повысить свой уровень жизни, иметь свободное время для разнопланового отдыха и развития. Государственная политика, ориентированная на увеличение трудового контингента в экономическом секторе, в том числе за счет женщин, также имела важное значение. Лозунг «забота партии и правительства о благе народа», реализуемый в виде расширения сети учреждений для детей дошкольного возраста, развивающих кружков, Домов пионеров, взявших на себя часть ответственности за воспитание детей, служил одной главной цели – направлению всех возможных человеческих ресурсов на нужды экономического развития государства.

Однако недостаточно развитая досуговая сельская инфраструктура, большее в сравнении с городскими семьями количество детей и другие факторы не давали возможность найти время для отдыха и развития. Так, 5–7 часов еженедельно женщина тратила на контроль успеваемости своих детей и воспитательные моменты [12, л. 19].

Традиционно, в сравнении с городом, жизнь в селах была более трудной и менее комфортной для женщин. Она осложнялась необходимостью выполнять большой объем сугубо деревенских обязанностей, не свойственных горожанкам. Даже в 1970-е годы 9 из 10 сельских семей имели подсобное хозяйство. Пожилые женщины относились к нему, как к традиционному источнику продуктов питания и дополнительному источнику денежных средств. Однако молодежь в своем большинстве негативно воспринимала работу в личном подсобном хозяйстве, считая ее вынужденной тратой времени и сил.

В письмах сельчан в газеты систематически подчеркивалось, что «сегодня в деревне владеют земельными участками или что-либо выращивают на них почти все. Но вот держат живность уже не все – примерно лишь три четверти, скотину – еще меньше, половина семей, коров – в среднем немногим более четверти семей. Домашняя скотина, особенно корова-кормилица, перестает быть ведущим признаком подсобного хозяйства», «нет коровы, жизнь без которой еще прошлому поколению деревенских женщин казалась почти немислимой. Не требуется уто-

мительная заготовка кормов, не надо рано вставать, можно и одеться почище, и в кино сходить, и книжку почитать» [13, л. 32].

Несомненно, что в период «позднего» социализма уровень жизни женщин-сельчанок возрос, они были защищены системой социальных гарантий, а жизнедеятельность отличалась стабильностью в настоящем и обозримом будущем. Ежегодно увеличивались денежные доходы, наметилась тенденция изменения структуры финансовых поступлений и трат. По данным бюджетных обследований, доля затрат на питание в общей структуре расходов сельской семьи снизилась с 42% в 1970 г. до 30,5% в 1985 г., а расходы на приобретение непродовольственных товаров (в том числе одежды, бытовой техники, мебели, транспорта) увеличились, соответственно, с 23,6 до 33,9% [14, л. 5, 8]. Постепенно развивалась социальная инфраструктура, строилось жилье, расширялась сеть магазинов и бытовых учреждений.

С начала 1970-х годов жизнь сельских женщин изменяется благодаря внедрению разнообразной бытовой техники, которая способствовала высвобождению времени для других целей. Ранее неотъемлемый атрибут быта – стиральная доска – уступал место стиральной машине. Ручная уборка дома с помощью такого нехитрого приспособления, как веник, заменялась распространением пылесоса. Однако наличие товарного дефицита не позволяло значительно облегчить труд женщин. Научно обоснованные нормы времени, отводимые на бытовые дела, были установлены на уровне 12,5 часов еженедельно [15, с. 89]. В действительности затраты времени были более значительными.

В силу тотальной дефицитности многие женщины тратили значительное количество времени на самостоятельный пошив одежды. Абсолютное большинство женщин было вынуждено тратить время на поездки в город для приобретения необходимых товаров или получения услуг.

Повышение благосостояния было относительным и зачастую ограничивалось удовлетворением только первоочередных потребностей. Однако женщин не устраивала такая ситуация, и они все критичнее оценивали свою жизнедеятельность в настоящем и будущем. Рост материальных, социальных, духовных потребностей и реальные возможности их удовлетворения в сельской местности были несоизмеримы.

Неразвитость сферы бытового обслуживания, не всегда качественное жилье, возводимое государством или хозяйствами, вызывали перманентное недовольство, в первую очередь, у молодой части сельского населения. В частности, в первой половине 1980-х гг. сельчанам-дальневосточникам предлагалось на треть меньше видов услуг, чем людям, живущим в городской местности [16, л. 48, 109]. Анализируя число услуг, оказанных фактически, можно утверждать, что имела место еще более отрицательная картина. Если сельский житель в середине 1980-х годов получал 10 видов услуг, то городской – в 2,5 раза больше [17, с. 116].

Рост уровня материальной обеспеченности, повышение культурной составляющей и уровня образованности способствовали формированию новых потребностей, главными из которых были стремление к комфорту и увеличению свободного времени для разнообразного отдыха.

Стремление государства совместить в женщине роли матери и работника вызывало необходимость

выбора, который она все чаще делала в пользу труда и карьерного роста. Активное вовлечение женщин в экономическую сферу разрушало традиционные демографические установки и нивелировало желание иметь более чем одного-двух детей. Повышение образованности, культурного и профессионального уровня женщины-работника автоматически формировало у нее особые запросы к потенциальному мужу, условиям жизни своей семьи. Женщина все реже мирилась с неприятными для нее сторонами жизни, в отличие от предшествующих поколений.

Несмотря на улучшение жизни и развитие социальной инфраструктуры в сельской местности, последняя по-прежнему значительно отставала от городской среды. Быстрое взросление женской части села, расширение кругозора за счет образованности и развития средств массовой информации приводили к росту амбиций, которые не могли быть удовлетворены в полной мере. Именно поэтому города становились центрами притяжения молодежи.

Писатель Е.И. Носов, изучавший сельскую жизнь во второй половине XX века, писал о ситуации, характерной не только для Востока страны: «Что же хотят эти парни и девчата? Вряд ли они знают. А вот что не хотят – знают определенно: не хотят больше жить в своих исконных местах» [18, с. 77].

Об этом сообщают и отчеты дальневосточных партийных органов, в которых содержатся выдержки из писем сельчан следующего содержания: «кадров на селе не хватает, а молодежь не задерживается в родных местах»; «до окончания школы еще тянут, а там – поминай как звали. Не удивишь ни заработками, ни перспективами», «в социально-культурном плане мы не можем ничего предложить молодым» [19, л. 30].

По мнению многих женщин рассматриваемой эпохи, быть «городским» не означало просто работать в городе. Это позволяло чувствовать себя лицом с более высоким социальным статусом. Обращение «ты, деревня» в сознании большинства женщин ассоциировалось с пренебрежительным восприятием. Формированию такого мнения способствовало состояние деревни.

Смена сельского места жительства на городское давала возможность не только получать высокий доход, иметь стабильный график работы и благоустроенную квартиру, но и создавало иллюзию особой значимости, потерю статуса «деревенщины». Особенно это касалось молодежи.

Таким образом, в 1970-х – первой половине 1980-х гг. под влиянием комплекса как естественных, так и искусственных причин положение женщины в сельской местности Дальнего Востока, как, впрочем, и всей страны, изменилось: оно все больше отступало от традиционных установок, характерных для предшествующих десятилетий. Урбанизация сознания сельских жителей имела крайне противоречивый характер и проявлялась в снижении рождаемости, а следовательно, в меньшем числе детей, увеличении трудовой занятости, изменении жилищных условий и обеспеченности различным имуществом.

С одной стороны, среди женщин распространились взгляды на городскую жизнь и поведение горожан как на некий эталон. С другой стороны, крайне медленно нивелировалась разница между степенью развитости городской и деревенской местности, между расширяющимся спектром потребностей сельчанок и фактическими возможностями их удовлетворения.

Женщина, особенно молодого возраста, ускоренно приобщалась к городским стандартам демографического поведения и жизни в целом. Это имело противоречивые последствия, одним из которых стала деградация семейных ценностей на селе. Все это способствовало формированию среди женщин отрицательного отношения к жизни в дальневосточных селах, закрепляло стереотипы о «вечной» отсталости деревни и в конечном счете усиливало нестабильность местного населения. Если пожилые сельчанки еще мирились с такой ситуацией, то молодежь реагировала на нее довольно болезненно, что проявлялось во все более усиливающемся оттоке из деревень региона.

Список литературы:

1. Возрастной состав населения Приморского края (по данным всесоюзной переписи 1979 г.). Владивосток: Краевое управление статистики, 1980. 142 с.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2736.
3. Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. / под ред. С.В. Соболевой. Новосибирск: Наука, 1991. 162 с.
4. Амурский статистический ежегодник. Благовещенск: Статуправление, 2008. 166 с.
5. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 480. Оп. 15. Д. 888.
6. Социально-экономические проблемы дальневосточного села. Владивосток: Дальнаука, 1987. 189 с.

К вопросу о положении женщин дальневосточных сёл...

7. Хабаровскому краю – 60 лет. 1938–1998. Хабаровск: Статуправление, 1998. 98 с.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 14. М.: Политиздат, 1984. 703 с.
9. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [Электронный ресурс] // <https://base.garant.ru/3999170>.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 39. Д. 6189. Л. 136.
11. Женщины в Амурской области. Благовещенск: Статуправление, 1979. 54 с.
12. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 6214. Л. 19.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 32.
14. ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 142.
15. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
16. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П.-68. Оп. 50. Д. 429. Л. 48, 109.
17. Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока / отв. ред. С.В. Югай. Владивосток: Дальнаука, 1989. 268 с.
18. Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 215 с.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1089.

THE POSITION OF WOMEN IN THE FAR EAST VILLAGES IN THE PERIOD OF «LATE» SOCIALISM

© 2019

Grinko Andrey Aleksandrovich, candidate of historical sciences, associate professor of Humanities Department
Far Eastern State Agrarian University (Blagoveshchensk, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the transformation of the female rural population position of the Far East in the USSR in 1970 – the first half of 1980 under the influence of a set of factors. The peculiarities of the geographical location of the region, its level of development, acceleration of life processes in rural areas, rapid dissemination of information and other factors had a significant impact on rural women. This influence was controversial and ambiguous. On the one hand, the role of a woman in the family changed, her activity as an employee increased, her well-being, cultural and educational level increased. On the other hand, becoming more independent, the woman aspired to better working and living conditions, career growth, free time increase, but in rural areas it was difficult. Despite the special attention of the state to the Far East and the activities aimed at the development of rural areas, life in the villages did not meet the «urban» views of local residents. The result of this transformation was a focus on childlessness for a large part of young people and moving to urban areas. Against the background of the village it was perceived as an incomparably better place of residence.

Keywords: USSR; Far East; rural area; «late» socialism; «developed» socialism; period of «stagnation»; women; family; urbanization; feminization; demographic situation; demographic behavior; fertility; life satisfaction; scarcity; level of well-being.

УДК 39

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12229

Статья поступила в редакцию 11.02.2019

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

© 2019

Кандрина Елена Владимировна, аспирант отдела этнографии и этнологии
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук (г. Саранск, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье на основе полевого материала автора, архивных документов и материалов, опубликованных рядом исследователей, проведен анализ состояния, перспектив и проблемных аспектов существования народных художественных промыслов и ремесел на территории Республики Мордовия на примере наиболее значимых традиционных мест их бытования. Проведен анализ трансформации понимания су-
Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27)